

«Бросаясь в вихорь вихревой»: неуценные мемуары С. Коренева о Блоке

© 2021, Л.В. Спроге

Латвийский университет,
Рига, Латвия

Аннотация: В статье рассматриваются отдельные сюжеты «блоковской темы» в рижской периодике 1920-х гг., ранее не привлекавшие внимания исследователей. Русская печать независимой Латвии (1919–1940) сохранила многие десятки, если не сотни, статей, корреспонденций, документов, стихотворных текстов, посвященных личности и творчеству А.А. Блока. Среди них и мемуарные свидетельства людей, которые были знакомы с поэтом, встречались с ним, слушали его выступления. Однако большинство этих разрозненных воспоминаний остаются забытыми и не учитываются в блоковедческой литературе. Автор статьи напоминает о текстах В.В. Третьякова, А.М. Перфильева и републикует из рижской газеты «Слово» мемориальную статью о Блоке С.А. Коренева, который в 1917 г. работал вместе с поэтом в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства.

Ключевые слова: А. Блок, С. Коренев, А. Перфильев, «русская Рига», локальная культура русского зарубежья, мемуары, эмигрантика.

Информация об авторе: Людмила Васильевна Спроге — доктор филологии, профессор факультета гуманитарных наук, заведующая центром Русистики, Латвийский университет, бульвар Райниса 19, LV-1586, г. Рига, Латвия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8418-418X>. E-mail: ls@lu.lv.

Для цитирования: *Спроге Л.В.* «Бросаясь в вихорь вихревой»: неуценные мемуары С. Коренева о Блоке // Литературный факт. 2021. № 2 (20). С. 146–159. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-146-159>

Основной корпус мемуаров об Александре Блоке¹ время от времени дополнялся² и корректировался (см., например: [2; 7, с. 285–305; 12]), тем не менее, ряд сюжетов и текстов в силу разных (в основном — политических) причин оказались «забытыми» и как бы не представляющими исторической ценности. Эти мемуарные свидетельства не вписывались в идеологическую схему «правильного» восприятия Блоком двух революций 1917 года, его созидательного служения на поприще новой культуры. Некоторые из них вообще представляли записки с «того берега», т. е. заведомо неуместные материалы, которые были категорически «припечатаны» в завершающей части вступительной статьи В.Н. Орлова к юбилейному двухтомнику: «...в белоэмигрантской прессе о случайности прихода Блока к Октябрьской революции, об его “разочаровании”, “отречении”, “отчаянии” и “покаянии” орали уже во всю глотку. Не только желтые газетные борзописцы, но и именитые литераторы <...> из самой смерти поэта стремились извлечь свою подлую выгоду. <...> Опытные белоэмигрантские журналисты без зазрения совести выдавали старые стихи Блока <...> за “последние”, “посмертные”, якобы найденные в бумагах поэта и воочию свидетельствующие об его разуверении в революции. Широкое распространение получил высосанный из грязного пальца слух, будто, умирая, Блок не только “проклинал себя” за “Двенадцать”, но и требовал на глазах у него сжечь все экземпляры поэмы. <...> Версия о разуверении Блока в революцию проникла и в мемуарную литературу о нем» [3, с. 30–31]. Однако то, что безоговорочно отвергалось в год столетнего юбилея классика, через сорок лет представляется не лишенным актуальности: неподцензурные свидетельства о бытовых реалиях, поведении, взглядах, реакции поэта на события после 1917 г. также важны, наравне с мемуарами С.М. Алянского, ставшими «основополагающими» воспоминаниями и утвердившими в советскую эпоху канонические принципы «что» и «как» вспоминать о Блоке.

В этом отношении заслуживает внимания и латвийская пресса межвоенного двадцатилетия — как важный источник изучения темы *Блок и локальные культуры русского зарубежья*. К сожалению, в основном подобные материалы представлены в научной литературе лишь эпизодически и маргинализированы (как явление провин-

¹ См. «канонический» свод, изданный к 100-летию поэта: [3].

² Так, начиная с первого до текущих выпусков тартуских «Блоковских сборников», как и в издающейся Пушкинским Домом серии «Александр Блок. Исследования и материалы», воспоминания были одной из важных составляющих раздела «Публикации». См. также: [4; 8]; недавняя републикация «неучтенного» некролога из эмигрантской периодики: [5].

циальное и, стало быть, заведомо второстепенное), на наш взгляд, абсолютно незаслуженно, о чем уже приходилось писать (например: [11]).

Начиная с 1919 г. в Риге открываются новые русские повременные издания, в том числе известная газета «Сегодня»; к середине 1920-х гг. их число заметно увеличилось: «Маяк», «Новая Нива», «Рижский курьер», «День», «Вечернее время», «Слово», «Наш огонек» (см.: [1]). Эти и последовавшие за ними газеты и журналы содержат многочисленные (конечно, неравноценные в содержательном плане) относящиеся к Блоку материалы, которые лишь отчасти учтены литературоведами. Так, в блоковском томе «Литературного наследства» были приведены отрывки из воспоминаний П.М. Пильского, опубликованных в газете «Сегодня», а также есть указания на посвящения Блоку стихов рижских русских поэтов: Виктора Третьякова³, Николая Истомина и Арсения Формаква [8, кн. 3, с. 115, 587], но не упомянутыми остались многочисленные имена и десятки «проблоковских» произведений Александра Перфильева (Александр Ли), Ивана Лукаша, Михаила Ганфмана, Бориса Харитона, Константина Арабажина, Василия Гадалина, Николая Бордоноса, Александра Гришина, Сергея Коренева, ряд публикаций Р. Вельского (П. Пильского) и др.

«Русская Рига» в зарубежье — значительный культурный центр, который в контексте балтийских государств в 1919–1930-е гг. отличался высоким процентом старожильского русского населения (крестьянства в том числе) наряду с эмигрантским. Столичная инфраструктура (православные храмы, начальные школы и гимназии, акционерные общества, представительство русской политической партии в Латвийском Сайте, общественные организации, изрядное число издательств и периодических изданий, драматический театр — единственный стационарный в русском зарубежье и мн. др.) способствовала становлению этнического статуса «латвийских русских», среди которых имя Александра Блока было весьма знаковым в культурной жизни описываемого периода. Начиная с осени 1921 г. в Риге систематически (до осени 1939 г.) проводились вечера памяти

³ О совместном чаепитии с ним Блок упоминает в записной книжке 19 июня 1920 г. В.В. Третьяков в некрологе, опубликованном в «Сегодня» (1921, 1 сентября), более подробно осветил это событие. Следует учесть, что зарегистрированные в справочнике Ю. Абызова [1] статьи и стихи Третьякова, содержащиеся в заглавии имя поэта, — это далеко не полный перечень «блоковских» публикаций Третьякова; так, в 1926 г. был опубликован его мемуар «Когда-то в Петербурге. (К вечеру Владимира Соловьёва)» (Сегодня вечером. 1926, 11 мая, № 103), где зафиксировано выступление Блока [10].

двух поэтов, Блока и Гумилева⁴. Сближая их имена и судьбы, а более всего — сопоставляя концы их жизненного пути в августе 1921 г., рижане воспринимали Блока как жертву лихолетья, как погибшего, «умерщвленного» гения. Это отозвалось, спустя время, в стихотворениях бывшего рижанина Александра Михайловича Перфильева (1895–1973):

Лишь вчера похоронили Блока,
Расстреляли Гумилева. И
Время как-то сдвинулось жестоко,
Сжав ладони грубые свои⁵.

Автор этого четверостишия, лично знавший Блока и Гумилева и оставивший о поэтах несколько воспоминаний⁶, описывает в них конец зимы 1921 г., свой арест, побег из «чрезвычайки», покупку чужого паспорта, по которому сумел «оптироваться» в Риге, где в августе узнал о смерти Блока. В последующей эмиграции в Германии он напишет в стихотворении «Стихи»:

А потом... сомненье и усталость —
Ты ли в этих строчках на листе?
Так и Блок отметил: «Написалось» —
О Двенадцати и о Христе!⁷

⁴ В первую годовщину гибели Блока в августе 1922 г. на вечере его памяти актриса рижского Русского драматического театра Екатерина Жихарева читала «Двенадцать»: «Сама наружность артистки, высокой, сухой, с черными жгучими глазами, особенно подходит к передаче зловещего в поэме. Редкие голосовые средства и изумительное владение голосом создают впечатление, будто, кроме слов, звучит еще и аккомпанемент к ним. Благодаря такому чуду вы ясно представляете себе вой вьюги, сугробы на улице, отряд хулиганья, и наряду с кошмарной картиной до вашего слуха вдруг доносится в вое ветра как будто народная песня... Она отрывает вас от ужасной действительности и переносит в прошлую Русь. Вы раздваиваетесь, как во сне. Песня-грусть мелькнула и исчезла, и вас снова гнетет кошмар. Вдруг, среди безобразных слов вы уловили нотку тяжелой душевной муки, безумного томления, но нет ему облегчения в кошмаре. Мечется душа и в отчаянии к Богу взывает, и снова — кошмар...» (*Бордонос Н.* «12» // Маяк. Русская внепартийная газета. 1922. № 7 (7 августа). С. 3).

⁵ *Перфильев Александр.* Стихи / предисл. Ирины Сабуровой. Мюнхен, 1976. С. 125. Стихотворение написано по случаю смерти Георгия Иванова в 1958 г.

⁶ *А. Ли (Перфильев).* Красное безмолвие. А. Блок и Н.С. Гумилев. (Мысли о «Двенадцати») // Русская жизнь. 1924. № 2; *Александр Ли (Перфильев).* Александр Блок. (Личные воспоминания) // Слово. 1926. № 231; *Александр Ли (Перфильев).* Последняя встреча с Александром Блоком // Слово. 1927. № 594. Отметим, что Р.Д. Тименчик [12, с. 473] дезавуировал высказанное ранее им и Ю.И. Абызовым [2] утверждение о причастности А. Перфильева к блоковским фальсификациям.

⁷ *Перфильев Александр.* Стихи. С. 137. Написано в 1960–1970-е гг.

Еще будучи в Риге, Перфильев опубликовал в 1925 г. свой первый сборник стихов «Снежная месса», название которого перекликается с блоковскими книгами «Снежная маска», «Снежная ночь». Не случайно К. Бальмонт, чрезвычайно благожелательно относившийся к знакомому рижскому поэту, свою рецензию начинает так: «Здесь, в книжке этой, чувствуется влияние Блока — не только в мотиве снега и “серебряной мглы”, но и в общем подборе звуков, слов, настроений»⁸. Характерно, что сборник открывается стихотворением: «И пою стихи Евангеля, // Из главы Безмолвных Мук: // О Тебе, о Черном Ангеле, // И о царстве Снежных Вьюг», с эпиграфом из блоковского «Не строй жилищ у речных излучин» («Разные стихотворения», 1906). Для Перфильева важно не только отмеченное цитатой стихотворение-посвящение, но и более широкий аллюзивный пласт блоковских текстов, откуда идут два мотива: абсолютной свободы «пути» лирического персонажа и грядущего возвращения «Души Мира». Образ Поэта — «Черного Ангела» в «царстве снежных вьюг» корреспондирует с символикой «Снежной маски» и «Двенадцати», раскрывая известное утверждение Блока о соотносительности этих двух произведений в контексте его творческого пути. К пятилетней годовщине памяти поэта Перфильев напечатал в «Слове» свои воспоминания. Среди мемориальных блоковских корреспонденций в рижской прессе 1926 г., представленных в том числе на страницах главных на тот момент конкурирующих газет «Сегодня» и «Слово», обращает на себя внимание и небольшой очерк С. Коренева «Александр Блок».

Сергей Александрович Коренев (1883–1941?) сотрудничество с рижской печатью начал в «Сегодня», поместив в 1921–1922 гг. серию очерков «Дело бывших министров», затем перешел в газету «Вечернее время», а потом — в «Слово» (был членом редколлегии), опубликовал по крайней мере одну статью и в газете «Новый голос»; печатался под псевдонимом Н. Русин.

Судьба занесла подполковника Коренева в восточную Латвию во время первой мировой войны, в Двинском (теперь — г. Даугавпилс) военном округе он исполнял обязанности дежурного генерала. Биографические данные дней войны и двух революций 1917 г., вплоть до отъезда в получившую в 1918–1920 гг. статус независимой демократической страны Латвию, прослеживаются по «Собственноручным показаниям обвиняемого Коренева Сергея Александровича», данным после его ареста в Риге в августе 1940 г:

⁸ Бальмонт Константин. <Рец.:> «Снежная месса» А. Ли // Наш огонек. 1925. № 25.

По службе мне удалось несколько раз вмешиваться в дела штаба округа по вопросу о высылке нежелательных лиц, главным образом, евреев из округа. Высылку эту удалось предотвратить, так как она мотивировалась, главным образом, маловажными поступками. По должности приходилось заботиться о правильной постановке дела продовольствия в округе, сближения с населением, проверять интендантское довольствие, заботиться о беженцах и т. д., когда произошел февральский переворот 1917 года я в силу хороших отношений ко мне со стороны солдат получил от Витебского Совета Солдатских депутатов свидетельство о моей пригодности при новом строе. Это свидетельство привело к тому, что в апреле 1917 года я был назначен следователем в Верховную Чрезвычайную Комиссию по делам бывших министров. В комиссии я производил следствие по делам бывшего военного министра ген. Беляева, бывшего командующего армией ген. Ренненкампа, по делу Азефа. При перевороте 25 окт. 1917 года действия комиссии были прекращены. Месяца два я был без работы и к концу года попал случайно на службу в Центральную исполнительную комиссию по делам инвалидов сначала секретарем одного из отделов, а потом сразу управляющим делами всего союза⁹. <...> Вскоре после этого союз был закрыт, кажется, это относится к концу 1918 года. В 1919 году я торговал на б. Невском проспекте в б. магазине стекла напротив Пушкинской улицы, игрушками, лампочками, копилками, старыми книжками и т. д. В это время я женился на Наталье Львовне Ярышкиной¹⁰ — беженке из г. Риги, имевшей здесь дом на Калнциемской улице 22. Когда в начале 1920 года все частные магазины были национализированы — мы, т. е. жена, ее тетка и дядька — Павловы (все из Риги) и я, стали думать об отъезде из Петрограда. В 1920 году я получил разрешение от комиссии, ведавшей делами отправки беженцев из Латвии, отправиться в Ригу. С третьим эшеленом беженцев я в Ригу прибыл. О моем приезде в Ригу узнал мой бывший сослуживец в судебном ведомстве Угрюмов, состоявший в консультационной части Латвийского Главного Судового Управления. От него я получил письмо с предложением от главного военного прокурора Грамматина занять место члена консультации при Управлении по работе законодательной комиссии. В Латвийскую армию я был принят в чине полковника (в этот чин я был произведен в 1917 году в августе в порядке старшинства).

⁹ С.А. Корнев сам был инвалидом: в русско-японскую войну потерял ногу, что не помешало ему в 1910 г. окончить Александровскую военно-юридическую академию и работать военным следователем.

¹⁰ В 1936 г. С. Корнев женился на рижанке Любви Серафимовой.

В 1923 году — должности консультантов были упразднены, и я вышел в отставку. Один год после этого я вместе с женой торговал в маленькой кондитерской на углу Школьной и Мельничной ул., а в 1925 г. работал в газете «Вечернее время» в качестве журналиста, во главе газеты стоял В.И. Снегирев¹¹. Кроме меня, сотрудниками были Г.И. Гроссен¹² и Кораль-Пурашевич¹³. <...> В 1925 году и появилась газета «Слово», шеф-редактором ее был приглашен И.С. Лукаш¹⁴. Из газеты «Вечернее время» в газету «Слово» перешли Г.И. Гроссен и я в качестве заведующего Иностранным отделом¹⁵.

Итак, будучи на военно-судебной службе в Риге, Корнев с декабря 1921 г. по январь 1922 г. публикует в газете «Сегодня» серию очерков «Дело бывших министров. Из дневника». Первый очерк, «Верховная следственная комиссия», сопровождался пояснением «От редакции»: «Настоящие записки основаны на фактических данных, имевшихся в распоряжении автора, одного из деятелей эпохи Всероссийского Временного Правительства, члена Верховной комиссии по расследованию дел бывших царских министров»¹⁶.

Дневник Корнева свидетельствует об изрядных литературных способностях автора. Начало первой главы вводит в экспозицию сюжета о деятельности Верховной следственной комиссии:

Поздним вечером присылают мне казенный пакет: «Срочно, Главный военный прокурор просят Вас явиться в Управление завтра, к 11 часам дня». На дворе май 1917 года. В Петрограде темно. Настроение тревожное. В армии полный развал. На фронте митингуют, здесь солдаты распоясались окончательно, бесчинствуют, глумятся над офицерами, совершенно вышли из воинского повиновения, дав-

¹¹ В.И. Снегирев был юрисконсультom Рижской городской управы и председателем общества друзей Русского театра, газету «Слово» не редактировал.

¹² Генрих Иванович Гроссен (1881–1974), юрист, закончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В Риге работал журналистом в газетах «Рижский курьер», «Вечернее время», «Слово», преподавал в ряде школ и гимназий. Оставил книгу воспоминаний «На буреломе» (1950).

¹³ Правильно: Король-Пурашевич — Леонард Юлианович Пирагис (1876–1944); сотрудничал во многих рижских изданиях, из некоторых со скандалом изгонялся. Под псевдонимом опубликовал в «Рижском курьере» в 1921 г. сфальсифицированные материалы об А. Блоке.

¹⁴ Иван Сазонтович Лукаш (1892—1940) перебрался в Ригу из Берлина, а в 1928 г. Переселился в Париж.

¹⁵ LVA (Латвийский государственный архив). Ф. 1986. Оп. 2. Ед. хр. 5849-II. С. 21–25. Благодарю Бориса Анатольевича Равдина за предоставление мне машинописи этого документа.

¹⁶ Сегодня. 1921, 25 декабря. № 295. С. 4.

но уже превратились в озорничающую толпу. Только на верхах ещё стараются блюсти кое-какой порядок и декорум. Наутро нацепляю ордена и отправляюсь по приглашению. В кабинете меня встречает небольшого роста, худощавый и для генеральских чинов еще совсем юный брюнет.

— Хотите быть назначенным в Верховную Комиссию? Дело нужное, интересное, а, главное, познакомитесь непосредственно со всей этой гнилью отжившего строя.

Ого, думаю: какое определенное отношение к прошлому, а ведь этого в тебе, голубчик, что-то не было особенно заметно за целые десятки лет твоей царской службы. Ну, да теперь и покрупнее тебя «особы» перекарасились! Так тебе и Бог велел...

— Согласен, — отвечаю, — но не знаю, в чем же будут заключаться мои обязанности?

— Будете производить следствие о бывшем военном министре генерале Беляеве и командующем армией генерале Ренненкампе, а там и другие дела к Вам поступят по мере того, как комиссия будет расширять свою деятельность. Пока же едемте вместе, я Вас представлю председателю комиссии.

Едем в растрепанном дребезжащем автомобильчике в Зимний Дворец. Комиссия работает в помещении запасной половины дворца. Во дворце — старые лакеи в ливреях, швейцары, все честь честью... Проходим в одну из зал. В огромной комнате заседает президиум Комиссии. Во главе Муравьев, известный московский присяжный поверенный. Члены: академик Ольденбург, сенатор Иванов, член Государственной Думы Родичев, присяжный поверенный Соколов, Карахан, редактор «Былого» Щеголев и еще кое-кто из менее важных. Секретарем по собиранию документов и редактированию протоколов допроса министров состоит Александр Александрович Блок¹⁷.

В последующих выпусках газеты будут опубликованы остальные части дневника: II. Допрос обвиняемых (29 декабря, № 596), III. Департамент полиции (31 декабря, № 598), IV. Заступники (8 января, № 6), V. Дело Малиновского (31 января, № 24). В 1922 г. в седьмом томе издававшегося в Берлине «Архива русской революции» выйдет полный текст записок Коренева «Чрезвычайная комиссия по делам о бывших министрах».

¹⁷ Примечательно, что в очерке только секретарь Блок прописан сообразно этикету: имя, отчество, фамилия. Более «высокие» по рангу члены Президиума названы по фамилиям.

В исследованиях последнего десятилетия работа Блока в Чрезвычайной следственной комиссии освещена достаточно подробно [6; 9], но ни в одной из публикаций ссылок на С.А. Коренева, равно как и упоминаний его имени, нет.

Стоит ли вводить имя С.А. Коренева в контекст материалов о Блоке 1917–1921 гг.? Думается, что следует. Его публикация 1926 г. — еще один угол зрения на поэта в несвойственной тому атмосфере допросов и следствия. Любопытны и восприятие, и обрисовка некоторых деталей, пожалуй, у других наблюдателей еще не встречавшихся. Это — внятное свидетельство о позиции Блока по отношению к большевикам, к их лозунгам и к вопросу о продолжении войны. Взгляд на Блока-секретаря, не справляющегося с повседневной канцелярщиной, — тоже достаточно нов и не характерен для большинства описывающих эти дни. Любопытен и беглый взгляд со стороны на своеобразие Блока-человека, отмеченные его непохожесть, обособленная индивидуальность и даже чуждость — «не от мира сего», как заключает автор, называя поэта «милым и странным».

В судьбе мемуариста также закреплены черты поколения «страшных лет России». После разорения газеты «Слово» Коренев некоторое время работает учителем в рижских школах, занимаясь общественной деятельностью в Рижском русском обществе, выпускает «Русские ежегодники», принимает участие в приеме русских ученых и писателей. В июле 1940 г. как председатель инициативной группы русской интеллигенции призывал голосовать за советскую власть. Несмотря на это был арестован 5 августа 1940 г., получил пять лет лагерей [1, ч. 2, с. 291].

ПРИЛОЖЕНИЕ

С. Коренев

АЛЕКСАНДР БЛОК¹⁸

К пятилетней годовщине со дня смерти

На звездном небе русской литературы имя Блока загорелось таинственной зарей лет за восемь до Великой войны.

В 1906 году мне довелось гостить в Москве у В.И. Качалова.

Василий Иванович тогда уже «обрастал» славою, и Москва с ним носилась не только как со своим любимцем, но и прислушивалась к его голосу тонкого ценителя красоты в искусстве.

¹⁸ Слово. Большая русская национально-демократическая газета. (Рига). 1926, 7 августа. № 230. С. 2. Орфография и пунктуация источника сохранены.

У Качалова на Б. Дмитровке собирались в то время Л. Андреев, Эфрос, заезжал М. Горький, В.И. Немирович-Данченко, бывали виднейшие общественные деятели, начиная с Коновалова и др. членов кадетской партии. Из художников постоянно присутствовал Коровин и, конечно, очень полно была представлена вся актерская Москва.

Как-то на одном из таких вечеров Качалов, вообще любивший открывать и носиться с талантами и всегда чуткий к новым художественным течениям творчества, торжественно заявил, что в Петербурге объявился большой поэт. Стихотворение этого «нового великана русской поэзии», оказавшегося А.А. Блоком, было тут же прочитано. Это была блоковская «Незнакомка»:

И медленно пройдя меж пьяными
 Всегда без спутников, одна
 Дыша духами и туманами,
 Она садится у окна.
 И веют древними поверьями
 Ее упругие щелка
 И шляпа с траурными перьями
 И в кольцах узкая рука.

Петербург первый оценил в Блоке гармоничность и красоту его творчества, причем очень немалое значение в популярности Блока играла его удивительная внешность, манеры и черты характера.

Своей головой греческого бога, мечтательными глазами и нежной улыбкой он очаровывал и привлекал уже с первого взгляда.

Некоторая женственность его характера дополняла первое производимое им впечатление.

Тогдашняя студенческая молодежь сразу же подметила, что Блок «не способен сопротивляться», если его попросить о «поддержке». Не было, кажется, в Петербурге в то время ни одного благотворительного концерта или вечера, где бы неизменно не участвовал и Блок.

Блок всегда был милый, мягкий, но в то же время какой-то чужой для всех.

Сойтись с ним близко было трудно уже по одному тому, что он весь был как будто «не от мира сего». И в стихах и в жизни он рассказывал и жил своими снами, видениями. Даже говорил он всегда, как будто с самим собою, смотря в глубь себя и чувствовалось, что он видит и себя и мир в трагической обнаженности и простоте. Это было своеобразно, красиво, но в то же время пугало и отчуждало.

Последние годы мне пришлось встретиться с Блоком в несколько странной для него обстановке. При Керенском я был назначен в верховную комиссию по расследованию действий бывших министров.

Совершенно неожиданно, на первых же порах, наталкиваясь в Зимнем Дворце, где помещалась комиссия, на нескольких приятелей. Среди них вижу какое-то странно знакомое мне лицо. Мучительно стараюсь вспомнить — кто это? — и потом только спохватываюсь — да ведь это же Блок!

Похудевший, желтый, с обстрившимся подбородком, остриженный под гребенку, он так странно изменился, что только по сохранившимся намекам можно было догадаться о прежней его классической красоте. Военная форма тоже не шла к его мало подтянутой, хотя и стройной фигуре.

Оказалось, что Блок состоит у нас секретарем комиссии.

Это была тоже неожиданность и притом довольно курьезная. Собрать протоколы допросов, следить за их печатанием, вести бумажную часть — совсем уже не шло к служителю муз. И Блок справлялся со всей этой канцелярщиной, конечно, кое-как. Но его, по-видимому, интересовало непосредственное знакомство с событиями и лицами рухнувшего царствования.

В обиходе Блок того времени оставался все таким же милым и странным человеком, хотя уже иногда высказывался и на общие волновавшие нас в то время темы. Он тогда определенно и подчеркнуто враждебно относился к большевикам и горячо стоял за продолжение войны до победы. Никто из нас не замечал в Блоке каких-либо колебаний или сомнений в этом вопросе.

Революция также была им воспринята очень умеренно — «постольку-поскольку». Прошло после этой нашей совместной работы в комиссии всего несколько месяцев, пришел красный октябрь и Блок ответил на него своими «Двенадцатью».

Считаясь с правдивостью и внутренней честностью всей природы покойного поэта, можно думать, что в этот большевицкий период Блок не ушел душою к победителям и неправы те, которые в «Двенадцати» видят как будто уклон Блока к большевикам.

Вероятно, что это было страшное и последнее осуждение его поэтическим духом наступившего царства мрака и злобы...

Литература

1. *Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии 1917–1944 гг. Биобиблиографический справочник. Stanford, 1990–1991. Ч. 1–4.
2. *Абызов Ю., Тименчик Р.* История одной мистификации: Факты и гипотезы // Даугава. 1990. № 9. С. 108–117.
3. Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. / вступ. ст., сост., коммент. Вл. Орлова. М.: Худож. лит., 1980.
4. Александр Блок: PRO ET CONTRA. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников. Антология / под ред. Н.Ю. Грякаловой. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2004. 736 с.
5. *Белобровцева И.З.* Об одном некрологе Александру Блоку // Литературный факт. 2017. № 5. С. 236–247.
6. *Иванова Е.В.* Александр Блок: Последние годы жизни. СПб.: Росток, 2012. 640 с.
7. *Лавров А.В.* Этюды о Блоке. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 320 с.
8. Литературное наследство. М.: Наука, 1980–1993. Т. 92: Александр Блок. Новые материалы и исследования: в 5 кн.
9. *Спивак М.Л.* Сбежавший прокурор, пропавшая княгиня и дерзая фрейлина: об ошибках в «Последних днях императорской власти» и записях А.А. Блока 1917 года // Русская литература. 2017. № 3. С. 68–80.
10. *Спроге Л.* Виктор Третьяков и Вячеслав Иванов: Ось Рига-Рим // Rīgas teksts=Рижский текст. Rīga: Latvijas Universitāte, 2008. S. 38–45. (Rusistica Latviensis. II).
11. *Спроге Л.* Вокруг Блока (Иван Коноплин; Ирина Сабурова) // CON AMORE Историко-филологический сборник в честь Любови Николаевны Киселевой. М.: О.Г.И., 2010. С. 582–593.
12. *Тименчик Р.* Из литературных фальшаков двадцатого столетия // Авангард и остальное: Сборник статей к 75-летию Александра Ефимовича Парниса. М.: Три квадрата, 2013. С. 460–474.

Research Article

“Throwing into the Whirlwind Vortex”: Unaccounted Memoirs about Blok by S. Korenev

© 2021. Liudmila V. Sproge

University of Latvia,
Riga, Latvia

Abstract: The article examines certain plots of the “Blok theme” in the 1920s Riga periodicals, which had not previously attracted the attention of researchers. The Russian press of independent Latvia (1919–1940) has preserved many tens, if not hundreds, of articles, correspondences, documents, poetic texts dedicated to

A. A. Blok's personality and works. Among them are memoirs of people who were familiar with the poet, met with him, listened to his speeches. However, most of these scattered memoirs remain forgotten and are not taken into account in the Blok studies. The author recalls the texts of V. V. Tretyakov, A. M. Perfiliev and republishes from the Riga newspaper "Slovo" a memorial article about Blok by S. A. Korenev, who in 1917 worked with the poet in the Extraordinary Investigative Commission of the Provisional Government.

Keywords: A. Blok, S. Korenev, A. Perfiliev, "Russian Riga", local culture of the Russian diaspora, memoirs, emigrantica.

Information about the author: Liudmila V. Sproge, Doctor Hab. in Philology, Professor at the Faculty of Humanities, Head of the Center for Russian Studies, University of Latvia, 19 Rainis Boulevard, LV-1586, Riga, Latvia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8418-418X>. E-mail: ls@lu.lv.

For citation: Sproge, L. V. "Throwing into the Whirlwind Vortex": Unaccounted Memoirs about Blok by S. Korenev". *Literaturnyi fakt*, no. 2 (20), 2021, pp. 146–159. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2021-20-146-159>

References

1. Abyzov, Iu. *Russkoe pechatnoe slovo v Latvii 1917–1944 gg. Biobibliograficheskii spravocchnik [Russian Imprints in Latvia 1917–1944. Biobibliographic Reference Book]*, part 1–4. Stanford, 1990–1991. (In Russ.)
2. Abyzov, Iu., Timenchik, R. "Istoriia odnoi mistifikatsii: Fakty i gipotezy" ["History of a Hoax: Facts and Hypotheses"]. *Daugava*, no. 9, 1990, pp. 108–117. (In Russ.)
3. *Aleksandr Blok v vospominaniiah sovremennikov: v 2 t. [Alexander Blok in the Memoirs of His Contemporaries: in 2 vols.]*, introd., comp., comm. by V. Orlov. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1980. (In Russ.)
4. *Aleksandr Blok: PRO ET CONTRA. Lichnost' i tvorchestvo Aleksandra Bloka v kritike i memuarakh sovremennikov. Antologiya [Alexander Blok: PRO ET CONTRA. Alexander Blok's Personality and Work in the Criticism and Memoirs of His Contemporaries. Anthology]*, ed. by N. Yu. Gryakalova. St. Petersburg, Izd-vo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta Publ., 2004. 736 p. (In Russ.)
5. Belobrov'tseva, I. Z. "Ob odnom nekrologe Aleksandru Bloku" ["On a Certain Obituary to Alexander Blok"]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 236–247. (In Russ.)
6. Ivanova, E. V. *Aleksandr Blok: Poslednie gody zhizni [Alexander Blok: Last Years]*. St. Petersburg, Rostok Publ., 2012. 640 p. (In Russ.)
7. Lavrov, A. V. *Etiudy o Bloke [Sketches about Blok]*. St. Petersburg, Izd-vo Ivana Limbakh Publ., 2000. 320 p. (In Russ.)
8. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 92: Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia: v 5 kn. [Alexander Blok: New Materials and Studies: in 5 books]. Moscow, Nauka Publ., 1980–1993. (In Russ.)
9. Spivak, M. L. "Sbezhavshii prokuror, propavshaia kniaginia i derziashchaia freilina: ob oshibkakh v 'Poslednikh dnyakh imperatorskoi vlasti' i zapisiakh A. A. Bloka 1917 goda" ["An Escaped Prosecutor, a Missing Princess and an Impudent Maid of Honor: on Mistakes in "The Last Days of the Imperial Power" and A. A. Blok's Notes of 1917"]. *Russkaia literatura*, no. 3, 2017, pp. 68–80. (In Russ.)

10. Sproge, L. “Viktor Tret'iakov i Viacheslav Ivanov: Os' Riga-Rim” [“Victor Tretyakov and Vyacheslav Ivanov: Axis Riga-Rome”]. *Rīgas teksts=Rizhskii tekst [Riga Text]*. Riga, Latvijas Universitate, 2008, pp. 38–45. (In Russ.)

11. Sproge, L. “Vokrug Bloka (Ivan Konoplin; Irina Saburova)” [“Around Blok (Ivan Konoplin; Irina Saburova)”]. *CON AMORE: Istoriko-filologicheskii sbornik v chest' Liubovi Nikolaevny Kiselevoi [CON AMORE: Historical and Philological Collection in Honor of Lyubov Nikolaevna Kiseleva]*. Moscow, O.G.I. Publ., 2010, pp. 582–593. (In Russ.)

12. Timenchik, R. “Iz literaturnykh fal'shakov dvadtsatogo stoletiiia” [“From Literary Falsifications of the 20th Century”]. *Avangard i ostal'noe: Sbornik statei k 75-letiiu Aleksandra Efimovicha Parnisa [Avant-garde and the Rest: Collection of Essays for the 75th Anniversary of Alexander Efimovich Parnis]*. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2013, pp. 460–474. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию: 18.12.2020
Одобрена после рецензирования: 12.01.2021
Дата публикации: 25.06.2021

The article was submitted: 18.12.2020
Approved after reviewing: 12.01.2021
Date of publication: 25.06.2021